

ИСТОРИЯ / HISTORY**Японские исследования о советско-японской войне:
направления и нарративы**

© 2025

DOI: 10.31857/S0131281225030095

Кузьминков Виктор Вячеславович

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник группы экономики и политики Японии Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Национальный исследовательский Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (адрес: 117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23). ORCID: 0000-0003-3909-0720.
E-mail: kuzminkov@imemo.ru

Статья поступила в редакцию 02.06.2025.

Аннотация:

В статье проводится анализ научных публикаций японских авторов, посвященных различным аспектам советско-японской войны. Подчеркивается, что эти работы оказали значительное влияние на формирование общественного мнения Японии в отношении СССР и России. Автор отмечает, что в условиях идеологической конфронтации послевоенные японские исследования акцентировали внимание на негативных последствиях советско-японской войны для Японии. Историческая роль СССР в этой войне часто интерпретировалась искаженно: участие Советского Союза в войне против Японии нередко представлялось как акт агрессии, что способствовало формированию негативных стереотипов о Советском Союзе, усилению анти-советской пропаганды и закреплению образа СССР как враждебного государства.

Особое внимание уделяется ключевым направлениям и нарративам в японских публикациях. Исторические сюжеты, представленные в этих работах, часто имеют тенденциозный характер и адаптированы под политическую конъюнктуру, что способствует укреплению ревизионистских взглядов. При этом объективные исторические реалии игнорируются или искажаются, что ведет к сохранению негативных стереотипов в отношении России даже после окончания периода идеологической конфронтации.

Статья проливает свет на то, как научные трактовки исторических событий могут быть использованы в политических целях для формирования общественного мнения. Автор акцентирует внимание на важности критического подхода в исследовании истории, чтобы избежать подобных искажений и стремиться к объективному пониманию прошлого. Такой подход позволит преодолеть навязанные конфронтацией стереотипы и недоверие, открывая путь для конструктивного сотрудничества в создании добрососедских отношений, которые могут предотвратить новые конфликты.

Ключевые слова:

Россия, СССР, Япония, интерпретации, нарративы, стереотипы, советско-японская война.

Для цитирования:

Кузьминков В.В. Японские исследования о советско-японской войне: направления и нарративы // Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 3. С. 130–140.

DOI: 10.31857/S0131281225030095.

2 сентября 2025 г. мировая общественность отметит важную историческую дату — 80-летие окончания Второй мировой войны, одного из самых разрушительных конфликтов в истории человечества, завершившегося подписанием Акта о капитуляции Японии. Этот день стал символом окончания глобального противостояния и достижения долгожданного мира. Значительную роль в этом процессе сыграли события советско-японской войны, в ходе которых Советский Союз провел успешное наступление, разгромив японские войска в Корее, Маньчжурии, а также на Сахалине и Курильских островах, что ускорило капитуляцию Японии.

Однако в Японии историческое восприятие окончания Второй мировой войны отличается от общепринятого в мире. Согласно официальной позиции Токио, действия Советского Союза в августе 1945 г. рассматриваются как «агрессивные» из-за якобы «нарушения» пакта о нейтралитете и продолжения военных действий после принятия Японией Потсдамской декларации¹. В то время как большинство стран мира считает, что война в Азии закончилась 2 сентября 1945 г., в Японии датой окончания войны считается 15 августа². Японская сторона объясняет это рескриптом императора Сёва, который в этот день обратился к народу, объявив о принятии Потсдамской декларации, что фактически означало капитуляцию на условиях союзников и прекращение военных действий. Такая интерпретация событий окончания Второй мировой войны дает возможность японской стороне обвинять Советский Союз в агрессии против Японии, представляя ее жертвой, что способствует формированию нарратива, в котором осуждаются действия СССР и подчеркивается несправедливость территориальных и политических последствий для Японии.

Советско-японская война 1945 г. и ее последующая интерпретация японскими историками существенно повлияли на формирование современных российско-японских отношений. События августа и сентября 1945 г., когда советские войска участвовали в боевых действиях против Японии, вызвали серьезные разногласия между двумя странами, особенно в вопросе территориального размежевания. Эти разногласия до сих пор препятствуют заключению мирного договора и негативно влияют на двусторонние отношения.

В этой связи важно отметить, что исследования японских авторов оказали значительное влияние на формирование общественного мнения, акцентируя внимание на изображении Советского Союза как агрессора, склонного к нарушению международных соглашений³. Такое представление послужило основой для формирования устойчивого негативного восприятия СССР, а позднее и России, как враждебного государства. Это восприятие, формировавшееся японскими властями в течение восьми десятилетий, стало значительным препятствием для установления полноценного взаимодействия между Японией и Россией.

После распада Советского Союза в 1991 г. негативное восприятие России в Японии во многом осталось неизменным, что подтверждается данными опросов общественного мнения⁴. Это подчеркивает необходимость изучения взглядов японских авторов на события советско-японской войны. Анализ японских академических исследований на эту тему позволит выявить причины, по которым Япония придерживается своих позиций, а также определить возможные пути для выстраивания конструктивного диалога.

Основные направления академических исследований

В японской исторической науке до сих пор отсутствует общепринятый термин для обозначения советско-японской войны⁵. Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, участие Советского Союза в войне против Японии часто рассматривается как часть Тихоокеанского театра военных действий Второй мировой войны (Тихоокеан-

¹ われらの北方領土2024年版.外務省 [Наши северные территории. Ежегодник 2024] // 外務省. Рр. 9–10. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100646946.pdf> (дата обращения: 25.05.2025).

² Правовой основой для определения даты окончания войны является решение Кабинета министров Японии от 14.05.1963, которое закрепило дату 15 августа как день поминовения павших на войне.

³ 麻田雅文. 日ソ戦争: 帝国日本最後の戦い [Asada Masaфуми. Японо-советская война: последняя битва императорской Японии]. 中公新書, 2024. Р. 22.

⁴ 「外交に関する世論調査」の概要. 令和7年2月. 内閣府世論調査 [Опрос общественного мнения по отношениям Японии с зарубежными странами. Февраль 2025 г.] // 内閣府世論調査. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/202502/r06/r06-gaiko/gairyaku.pdf> (дата обращения: 25.05.2025).

⁵ 麻田雅文. 日ソ戦争: 帝国日本最後の戦い [Asada Masaфуми. Японо-советская война: последняя битва императорской Японии]. 中公新書, 2024. Р. i.

ской войны), когда СССР на заключительном этапе присоединился к союзным державам — США, Великобритании и Китаю. Однако такое восприятие не совсем точно отражает суть событий, поскольку вступление СССР в войну против Японии имело свое уникальное значение и последствия, отличные от хода Тихоокеанской войны.

Другой важной причиной было отсутствие в Японии первоисточников. После окончания Второй мировой войны Япония столкнулась с серьезной проблемой отсутствия первоисточников для исторических исследований. Значительная часть японских официальных документов была уничтожена незадолго до капитуляции и сразу после нее, что лишило исследователей доступа к важнейшим данным. Захват и изъятие документов японских вооруженных сил в регионах, оккупированных советскими войсками, в качестве трофейных материалов сделали ситуацию еще более сложной. В результате японским историкам приходилось опираться преимущественно на мемуарные источники, что ограничивало объективность и полноту исследований. Хотя ознакомление с документами из советских архивов было невозможным в течение нескольких десятилетий, распад СССР открыл доступ к ранее закрытым архивам для международных исследователей. Это событие позволило начать более глубокую и основанную на исторических документах исследовательскую работу, предоставив новые возможности для изучения данного периода.

В этой связи можно выделить три основных направления исследований, посвященных различным аспектам советско-японской войны. Первое направление исследований сосредоточено на вопросе территориального размежевания между СССР и Японией, юридическое оформление которого стало проблематичным в связи с выдвижением Японией территориальных претензий на южные Курильские острова. Это направление наиболее изучено, поскольку тема территориального размежевания затронула международные соглашения и механизмы послевоенного урегулирования. Историко-географические и правовые аспекты конфликта, а также его экономические и политические последствия по-прежнему оказывают значительное влияние на российско-японские отношения.

В исследованиях, посвященных территориальному вопросу, советско-японская война часто рассматривается как заключительный этап длительного противостояния между Россией и Японией, начавшегося с русско-японской войны 1904–1905 гг. Анализ литературы по данной теме позволяет выделить два основных течения: консервативное и либеральное. Исследования консервативного толка начали появляться сразу после начала советско-японских переговоров о восстановлении дипломатических отношений в 1955–1956 гг. В своих работах консерваторы рассматривают вступление СССР в войну против Японии и занятие Курильских островов как ключевую причину территориального конфликта, обвиняя Советский Союз в агрессии и нарушении норм международного права. Их публикации отличаются враждебной риторикой в отношении СССР, характерной для эпохи холодной войны, и содержат идеологические стереотипы. Можно утверждать, что труды представителей консервативного течения послужили фундаментом для разработки враждебной политики, проводимой руководством Японии в отношении СССР, и существенно повлияли на формирование негативного общественного мнения о СССР/России в японском обществе. Среди представителей консервативного направления следует выделить таких историков, как Ито Кэнъити, Кимура Хироси, Куробанэ Сигэру, Сайто Мотохидэ, Такано Юити, Хакамада Сигэки.

Особого внимания заслуживают работы японского специалиста по российско-японским отношениям и российской политике в отношении Японии, почетного профессора Университета Хоккайдо Кимура Хироси. В своей монографии «История переговоров о границе между Японией и Россией: как решить территориальный вопрос» (1993) Кимура утверждает, что вступление СССР в войну против Японии стало нарушением советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. В качестве доказательства он приводит тот

факт, что пакт сохранял свою юридическую силу до 25 апреля 1946 г.⁶ Этот тезис часто повторяется в исследованиях о советско-японских отношениях и в информационных материалах МИД Японии по территориальному вопросу, постепенно закрепляясь в японском общественном сознании.

Однако, ссылаясь на сроки действия пакта о нейтралитете, японские исследователи игнорируют новые международно-правовые нормы, включая положения Устава Организации Объединенных Наций (далее — Устав ООН), который имел преимущественную силу над этим пактом. Такая позиция обусловлена стремлением обосновать территориальные претензии Японии, не принимая во внимание аргументы, подрывающие данное обоснование. Кроме того, в международной практике акцент на изменившиеся обстоятельства и появление новых юридических инструментов является критически важным для понимания и оценки исторических событий и последующих территориальных претензий. Таким образом, интерпретация событий Второй мировой войны и их последствий требует комплексного анализа, учитывающего как исторические, так и современные правовые аспекты.

В отличие от консерваторов, либеральные исследователи сосредоточены на поиске путей выхода из территориального тупика, предлагая более гибкие и компромиссные решения, учитывающие современные реалии и потребности обеих сторон. В этом контексте советско-японская война не рассматривается как основная причина территориальных разногласий между СССР и Японией; проблема возникла после того, как Япония выдвинула территориальные требования в процессе послевоенного урегулирования.

Большая часть исследований с либеральной направленностью была опубликована после распада СССР и завершения идеологического противостояния эпохи холодной войны. Эти труды характеризуются новизной и беспристрастностью, так как их авторы стараются избегать идеологических шаблонов и воздерживаются от оправдания официальной позиции Токио. Тем не менее, выводы либеральных историков практически не находят отражения в японских школьных учебниках и не принимаются в расчет официальными властями, что снижает их влияние на общественное мнение Японии. Более того, либеральные историки в консервативной Японии нередко воспринимаются как экцентричные личности, а порой и как предатели национальных интересов⁷. Среди видных представителей либеральной направленности можно выделить таких исследователей, как Вада Харуки, Ивасита Акихиро, Магосаки Укэру, Накадзима Минэо, Хасэгава Цуёси.

Существенный вклад в исследования по тематике советско-японской войны внесли труды бывшего дипломата и профессора Национальной академии обороны Японии Магосаки Укэру. В своей монографии «Территориальные проблемы Японии: Сэнкаку, Такэсима и северные территории» (2011) Магосаки указывает, что Советский Союз вступил в войну против Японии, выполняя свои обязательства перед союзниками, которые, в свою очередь, согласились на возвращение южной части Сахалина и передачу Курильских островов⁸. Исследователь стремится глубоко разобраться в реальном положении дел, опираясь на объективные данные, чтобы найти решение сложных вопросов в двусторонних отношениях. В своей работе он прибегает к использованию первоисточников и архивных документов, что помогает более точно оценить ход событий и понять сложность проблемы. Более того, Магосаки анализирует международные соглашения и дип-

⁶ 木村汎. 日露国境交渉史: 領土問題にいかに取り組むか [Кимура Хироси. История переговоров о границе между Японией и Россией: как решить территориальный вопрос]. 中公新書, 1993. P. 96.

⁷ Кузьминков В.В. Россия и Япония: японский взгляд на территориальное размежевание. М.: Квадрига, 2018. С. 47.

⁸ 孫崎享. 日本の国境問題: 尖閣・竹島・北方領土 [Магосаки Укэру. Территориальные проблемы Японии: Сэнкаку, Такэсима и северные территории]. ちくま新書, 2011. Pp. 100–101.

ломатическую переписку, что позволяет ему подтвердить точность своих выводов и предложить более полную картину событий того времени.

Второе направление исследований фокусируется на другом последствии советско-японской войны — судьбе японских военнопленных. Эта сложная глава в истории советско-японских отношений, наряду с территориальным вопросом, внесла значительный вклад в формирование негативного восприятия России в Японии. В период холодной войны тема японских военнопленных использовалась в политических целях. В Японии широко бытовало мнение о том, что условия содержания военнопленных в советском плену были крайне тяжелыми, что усиливало антипатию японского общества к СССР.

После распада СССР и открытия архивов были опубликованы первые исследования российских авторов, однако японские исследователи отстали в своих изысканиях примерно на десятилетие. Одной из причин этого отставания было предубеждение, что официальные документы страны с «диктаторским и тоталитарным» прошлым якобы не представляют научного интереса⁹. Постепенно, с появлением новой информации, в том числе полученной от корейских и немецких ассоциаций военнопленных, о том, что тяжелые условия жизни в первые послевоенные годы касались не только заключенных, но и советских граждан, японские исследователи начали ездить в российские архивы для сбора данных.

Среди работ, посвященных рассмотрению данной темы, выделяется монография почетного профессора Университета Сэйкэй Томита Такэси «Интернирование в Сибирь: реальность “Архипелага ГУЛАГ” при диктатуре Сталина» (2016). В своем исследовании профессор Томита опирается не только на японские источники, но также активно использует архивные документы Государственного комитета обороны СССР. Он исследует судьбы японских военнопленных, которых рассматривает как интернированных, и считает, что действия СССР после 14 августа 1945 г. представляют собой «нарушение» 9-й статьи Потсдамской декларации. Это утверждение является распространенным среди японских исследователей, изучающих тему военнопленных, однако оно игнорирует тот факт, что Вторая мировая война закончилась только 2 сентября 1945 г. Более того, если строго следовать положениям международных конференций в Гааге (1907) и Женеве (1929), «Советский Союз был вправе задерживать репатриацию японских военнопленных до заключения мира с Японией»¹⁰.

Третьим и наиболее современным направлением являются комплексные исследования, сосредоточенные на причинах, ходе и итогах войны. Среди этих исследований стоит особо отметить монографию доцента Университета Иватэ Асада Масафуми «Японо-советская война: последняя битва императорской Японии» (2024). В своем исследовании М. Асада опирается на широкий спектр источников, включая японские и американские материалы, а также архивные документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, где содержатся документы Квантунской группировки войск. Эта база позволила ему провести всесторонний анализ, который в меньшей степени подвержен идеологической интерпретации.

В своей работе М. Асада акцентирует внимание на том, что СССР вступил в войну против Японии по неоднократным просьбам союзников, прежде всего США. Он также отмечает наивность тогдашнего японского руководства, пытавшегося использовать СССР как посредника в переговорах с США для заключения перемирия¹¹. Кроме того, Асада подчеркивает, что политические последствия войны оказали более длительное и глубокое воздействие на советско-японские отношения, чем непосредственные военные

⁹ 富田武. シベリア抑留: スターリン独裁下, 「収容所群島」の実像 [Томита Такэси. Интернирование в Сибирь: реальность «Архипелага ГУЛАГ» при диктатуре Сталина]. 中公新書, 2016. Р. 6.

¹⁰ Панов А.Н. Россия и Япония: становление и развитие отношений в конце XX — начале XXI века (достижения, проблемы, перспективы). Известия, 2007. С. 58–59.

¹¹ 麻田雅文. 日ソ戦争: 帝国日本最後の戦い [Асада Масафуми. Японо-советская война: последняя битва императорской Японии]. 中公新書, 2024. Р. 25.

действия. В частности, автор указывает на то, что «исторический опыт формирует восприятие других стран, что, в свою очередь, влияет на современную внешнюю политику. Россия, получив территории в результате этой войны, столкнулась с тем, что в Японии укоренилось глубокое недоверие из-за нарушения договора и захвата территорий. Японо-советская война стала отправной точкой современных японо-российских отношений, которые продолжают основываться на этом недоверии»¹².

Анализ японских исследований советско-японской войны показывает, что они в значительной степени сосредоточены на негативных для Японии последствиях этой войны. В условиях послевоенной идеологической конфронтации вступление СССР в войну против Японии часто воспринималось как акт «агрессии» и «нарушение» международного права. Через такие интерпретации многие японские исследователи активно способствовали созданию нарративов, усиливающих негативное восприятие СССР/России как «страны-агрессора». Эти публикации не только формировали общественное мнение внутри Японии, но и дополняли антисоветскую пропаганду, поддерживая образ СССР как враждебного государства на международной арене. В связи с этим важно рассмотреть несколько основных нарративов, представленных в японских научных публикациях, которые способствовали этому процессу.

Японские нарративы о советско-японской войне

Один из ключевых японских нарративов о советско-японской войне заключается в утверждении о якобы стратегической незначительности участия Советского Союза в войне против Японии. В некоторых работах, утверждается, что участие СССР в войне не оказало существенного влияния на ее исход и было мотивировано исключительно стремлением к территориальным приобретениям. Например, профессор Х. Кимура, на основе анализа документов американской стороны, утверждает, что «учитывая сложившуюся на тот момент военную обстановку, участие СССР в войне воспринималось скорее как желательное, а не необходимое, с целью максимально возможного сокращения потерь среди американских военнослужащих»¹³. Похожую позицию занимает бывший посол Японии в СССР Сигэмицу Акира утверждая, что «для Советского Союза вступление в войну против Японии было лишь формальностью, призванной скрыть применение силы в целях территориальной экспансии»¹⁴.

Однако такое толкование событий игнорирует тот факт, что тогдашний президент США Гарри Трумэн и его военные советники считали участие Советского Союза в войне с Японией крайне важным. В ходе Потсдамской конференции Г. Трумэн лично просил И. Сталина, чтобы СССР вступил в войну против Японии¹⁵. Участие СССР в войне против Японии имело важное стратегическое значение, учитывая, что японские силы в Маньчжурии были достаточно сильны, и их нейтрализация силами Советской армии могла существенно ослабить обороноспособность Японии.

Стремление представителей консервативного течения объяснить вступление Советского Союза в войну против Японии исключительно желанием территориальных приобретений упрощает сложный исторический процесс и не учитывает весь спектр геополитических факторов, влиявших на принятие решений в то время. Хотя Советский Союз мог восстановить свои территориальные потери и без участия в войне, учитывая готов-

¹² 麻田雅文. 日ソ戦争: 帝国日本最後の戦い [Asada Masaфуми. Японо-советская война: последняя битва императорской Японии]. 中公新書, 2024. Рр. 258–259.

¹³ 木村汎. 日露国境交渉史: 領土問題にいかに取り組むか [Кимура Хироси. История переговоров о границе между Японией и Россией: как решить территориальный вопрос]. 中公新書, 1993. Р. 91.

¹⁴ 重光晶. 「北方領土」とソ連外交 [Сигэмицу Акира. «Северные территории» и советская дипломатия]. 時事通信社, 1983. Р. 156

¹⁵ Truman H.S. Memoirs by Harry S. Truman: Year of Decisions. N.Y. 1965. Vol. 1. P. 454.

ность Японии предложить территориальную компенсацию ради сохранения нейтралитета СССР¹⁶, такой вариант не рассматривался. Для советского руководства было важным соблюдение союзнических обязательств. Япония являлась лишь частью сложных договоренностей о будущем мироустройстве. Безусловно, территориальные интересы играли свою роль, но стремление СССР повлиять на послевоенное устройство мира и повысить свой международный авторитет было не менее значимым.

В процессе формирования нарратива о «стратегической незначительности» участия СССР в войне против Японии некоторые исследователи продвигали точку зрения, согласно которой решающую роль в поражении Японии сыграли атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Эта концепция использовалась для умаления значимости советского вклада в победу над Японией, представляя его как символическое действие, продиктованное стремлением успеть получить военные трофеи до капитуляции противника¹⁷. Например, почетный профессор Университета Тохоку Куробанэ Сигэру утверждает, что «применение атомных бомб ускорило окончание войны для Японии, создав ситуацию, в которой быстрое вступление СССР в конфликт становилось политически целесообразным шагом»¹⁸.

Современные японские исследователи признают, что абсолютизация роли ядерного фактора в капитуляции Японии является необоснованной. Они подчеркивают наличие сложной совокупности причин, которые привели к капитуляции страны. Например, М. Асада, опираясь на широкий спектр документальных источников, воссоздает события, происходившие в императорской ставке Японии в первые дни после начала советско-японской войны. Он пишет: «9 августа, получив доклад о вступлении СССР в войну, император Сёва вызвал министра-хранителя печати К. Кидо и поручил ему обсудить с премьер-министром К. Судзуки вопрос о прекращении войны». Автор отмечает, что в тот же день «на заседании Высшего совета министр армии К. Анами проинформировал о бомбардировке Нагасаки с использованием нового оружия». Однако, несмотря на это, «вопрос о безоговорочной капитуляции на заседании совета даже не был вынесен на обсуждение»¹⁹. Ядерные удары оказали относительно ограниченное военное воздействие на стратегические позиции Японии и не могли склонить страну к капитуляции. В то же время вступление Советского Союза в войну лишило японских генералов надежды на заключение перемирия, переговоры о котором они планировали начать при сохранении нейтралитета СССР.

Важным нарративом антисоветской пропаганды является утверждение о «нарушении» Советским Союзом пакта о нейтралитете с Японией. Эта тема активно используется для акцентирования внимания на предполагаемой «агрессивности» и «незаконности» действий СССР в отношении Японии. Японские исследователи, обосновывая свои аргументы, исходят из предположения, что пакт сохранял юридическую силу, т.к. его денонсация 5 апреля 1945 г. не означала немедленного прекращения его действия²⁰.

¹⁶ За кулисами тихоокеанской битвы (японо-советские контакты в 1945 г.) // *Вестник Министерства иностранных дел СССР*. № 19 (77). С. 48–49.

¹⁷ 保阪正康. 歴史でたどる領土問題の真実. 中韓露にどこまで言えるのか [Хосака Масаясу. Правда о территориальных спорах сквозь призму истории: что мы можем сказать Китаю, Южной Корее и России?]. 朝日新聞出版, 2011. Р. 55.

¹⁸ 黒羽茂. 日ソ抗争の軌跡 [Куробанэ Сигэру. История японо-советского конфликта]. 南窓社, 1983. Р. 120.

¹⁹ 麻田雅文. 日ソ戦争: 帝国日本最後の戦い [Асада Масафуми. Японо-советская война: последняя битва императорской Японии]. 中公新書, 2024. Рр. 42–43.

²⁰ 木村汎. 日露国境交渉史: 領土問題にいかに取り組むか [Кимура Хироси. История переговоров о границе между Японией и Россией: как решить территориальный вопрос]. 中公新書, 1993. Р. 97; 富田武. シベリア抑留: スターリン独裁下、「収容所群島」の実像 [Томита Такэси. Интернирование в Сибирь: реальность «Архипелага ГУЛАГ» при диктатуре Сталина]. 中公新書, 2016. Р. 125.

В исследованиях либерального направления тема предполагаемого «нарушения» Советским Союзом пакта о нейтралитете практически игнорируется, что заслуживает внимания. Это можно объяснить тем, что такие обсуждения часто применяются как инструмент для подогрева националистических настроений и провокации антироссийских настроений в японском обществе. Подобная риторика усиливает недоверие и напряженность, но не способствует конструктивному решению существующих проблем. Либеральные исследователи, вероятно, избегают акцентирования внимания на темах, которые могут препятствовать достижению взаимопонимания.

В этом контексте следует подчеркнуть, что японские обвинения в адрес Советского Союза относительно «нарушения» пакта о нейтралитете не учитывают международную ситуацию и международно-правовые нормы, установившееся к завершению Второй мировой войны. Кроме того, официальная позиция Токио не признает обоснованность аргументации, основанной на положениях Устава ООН, который действовал в тот период. В Японии преобладает мнение, что Устав ООН приобрел юридическую силу только после его ратификации 24 октября 1945 г. Однако это упускает из виду положения главы XVII, «Мероприятия по безопасности в переходный период», которая устанавливает процедуру принятия политических решений союзниками в промежуток времени до официального вступления Устава в силу²¹.

Важным элементом системы аргументации японской стороны является утверждение о «незаконной оккупации». Этот нарратив тесно связан с двумя основными вопросами в советско-японских отношениях: территориальной проблемой и вопросом японских военнопленных. Продолжение советскими войсками боевых действий после принятия Японией условий Потсдамской декларации рассматривается консервативными историками как «нарушение норм международного права». Например, Т. Томита отмечает, что «тот факт, что Советский Союз продолжал боевые действия вплоть до 5 сентября..., хотя 14 августа Япония приняла Потсдамскую декларацию, а также тот факт, что вопреки 9-й статье подписанной им же Потсдамской декларации СССР... отправил на свою территорию более 500 тыс. солдат и офицеров японской армии и насильственно удерживал в течении длительного времени, — все это является нарушением норм международного права, Потсдамской декларации и Женевской конвенции»²². Такой же позиции придерживается Х. Кимура утверждая, что после 14 августа «японские войска сложили оружие и капитулировали, советские войска без труда продвигались в южную часть Сахалина и на Курильские острова»²³. Очевидно, что такая интерпретация игнорирует множество факторов и создает искаженное восприятие действий СССР в глазах японской общественности.

Либеральные историки при рассмотрении указанного вопроса отмечают, что разделение зон оккупации было тщательно согласовано между союзниками, а японская территория, согласно Потсдамской декларации, была ограничена четырьмя главными островами²⁴. К этому можно добавить, что на момент окончания Второй мировой войны Советский Союз находился в состоянии войны с Японией. Этот факт подкреплен документальными свидетельствами о боевых действиях, одна из наиболее значимых битв которых — сражение за остров Шумшу, продолжавшееся с 18 по 22 августа. Длительность и

²¹ Кузьминков В.В. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией с позиций сегодняшнего дня // *Проблемы Дальнего Востока*. 2010. № 5. С. 120–121.

²² Российско-японские отношения в формате параллельной истории: коллективная монография. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 531–532; 富田武. シベリア抑留: スターリン独裁下、「収容所群島」の実像 [Томита Такэси. Интернирование в Сибирь: реальность «Архипелага ГУЛАГ» при диктатуре Сталина].中公新書, 2016. Р. 135.

²³ 木村汎. 日露国境交渉史: 領土問題にいかに取り組むか [Кимура Хироси. История переговоров о границе между Японией и Россией: как решить территориальный вопрос].中公新書, 1993. Р. 100.

²⁴ 孫崎享. 日本の国境問題: 尖閣・竹島・北方領土 [Магосаки Укэру. Территориальные проблемы Японии: Сэнкаку, Такэсима и северные территории]. ちくま新書, 2011. Р. 98.

интенсивность этих боев ставят под сомнение утверждение профессора Х. Кимура о простоте продвижения советских войск. Совершенно очевидно, что японские войска противостояли советскому наступлению, что подтверждается статусом захваченных японских солдат как военнопленных в соответствии с нормами международного права.

В международной практике завершение войны формально закрепляется через подписание акта о капитуляции. Принятие Японией условий Потсдамской декларации следует рассматривать как согласие на капитуляцию, а не как сам акт капитуляции. Рескрипт императора Японии, имевший внутреннее значение, так же не может считаться формальным завершением военных действий. Фактическое окончание войны подтверждается именно подписанием Акта о капитуляции 2 сентября 1945 г. Послевоенная оккупация территорий, продолжавшаяся после этой даты, полностью соответствует международному праву и отражает стандартные практики, установленные для последующего урегулирования конфликтов и стабилизации региона.

Анализ японских нарративов о советско-японской войне демонстрирует наличие тенденциозности в ряде научных публикаций, направленных на обоснование политически мотивированных претензий Японии к России. Эти публикации часто подчеркивают аспекты, выгодные для определенной точки зрения, и игнорируют или искажают контекст событий для достижения желаемого эффекта. Такая практика затрудняет объективное понимание исторических фактов и содействует распространению односторонних интерпретаций, которые способствуют укоренению негативных стереотипов в отношении России в японском обществе.

В этой связи представляется важным процитировать японского политика и исследователя Акаги Мунэнори о том, что японское общество не подвергло глубокому переосмыслению наследие эпохи милитаризма, что имеет значительные последствия для понимания и оценки исторических событий. М. Акаги обращает внимание на то, что без должного осмысления этих уроков японцы не смогут понять простую истину: «Япония лишилась территорий в войне, которую сама и инициировала»²⁵. Это утверждение подводит к размышлениям о важности объективного исторического анализа в контексте национальной самоидентификации и международных отношений, тем более что такие ошибки прошлого могут иметь долгосрочные последствия для страны.

* * *

Японские исследования о советско-японской войне служат ярким примером того, как национальные нарративы могут искажать объективность и препятствовать глубокому и беспристрастному пониманию исторических событий. Несмотря на наличие либеральных и прогрессивных подходов в японской академической мысли, их влияние зачастую ограничено. Это подчеркивает важность более открытого и свободного обсуждения прошлого, без которого существует риск закрепления стереотипов и недопонимания. Такая ситуация не только осложняет двусторонние отношения между Японией и Россией, но и влияет на внутреннюю политику и самоощущение японского общества.

Освобождение от негативных стереотипов, накопленных за десятилетия, может открыть новые возможности для конструктивного диалога между двумя странами. Избавление от националистических настроений позволит Японии и России сосредоточиться на практических аспектах сотрудничества и укреплении добрососедских отношений, что особенно важно в современном мире, где реальная политика и выгода занимают центральное место. В основе продуктивного взаимодействия должно лежать взаимопонимание, основанное на открытом и непредвзятом обсуждении общего прошлого.

²⁵ 赤城宗徳. 日ソ関係を考える: 激動の大正・昭和を生きて [Акаги Мунэнори]. «Размышления о японо-советских отношениях: переживая бурные эпохи Тайсё и Сёва». 新時代社, 1982. Р. 73.

Литература

- За кулисами тихоокеанской битвы (японо-советские контакты в 1945 г.) // *Вестник Министерства иностранных дел СССР*. № 19 (77). С. 43–56.
- Кузьминков В.В. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией с позиций сегодняшнего дня // *Проблемы Дальнего Востока*. 2010. № 5. С. 113–122.
- Кузьминков В.В. Россия и Япония: японский взгляд на территориальное размежевание. М.: Квадрига, 2018. 304 с.
- Панов А.Н. Россия и Япония: становление и развитие отношений в конце XX — начале XXI века (достижения, проблемы, перспективы) // *Известия*. 2007. 312 с.
- Российско-японские отношения в формате параллельной истории: коллективная монография / Под общ. ред. акад. А.В. Торкунова и проф. М. Йокибэ. М.: МГИМО-Университет, 2015. 1024 с.
- Truman H.S. Memoirs by Harry S. Truman: Year of Decisions. N.Y. 1955. Vol. 1. 630 p.
- 赤城宗徳. 日ソ関係を考える: 激動の大正・昭和を生きて [Акаги Мунэнори. Размышления о японо-советских отношениях: переживая бурные эпохи Тайсё и Сёва]. 新時代社, 1982. 318 p.
- 麻田雅文. 日ソ戦争: 帝国日本最後の戦い [Асада Масафуми. Японо-советская война: последняя битва императорской Японии]. 中公新書, 2024. 290 p.
- 木村汎. 日露国境交渉史: 領土問題にいかに取り組みむか [Кимура Хироси. История переговоров о границе между Японией и Россией: как решить территориальный вопрос]. 中公新書, 1993. 262 p.
- 黒羽茂. 日ソ抗争の軌跡 [Куробанэ Сигэру. История японо-советского конфликта]. 南窓社, 1983. 176 p.
- 孫崎享. 日本の国境問題: 尖閣・竹島・北方領土 [Магосаки Укэру. Территориальные проблемы Японии: Сэнкаку, Такэсима и северные территории]. ちくま新書, 2011. 231 p.
- 重光晶. 「北方領土」とソ連外交 [Сигэмицу Акира. «Северные территории» и советская дипломатия]. 時事通信社, 1983. 205 p.
- 富田武. シベリア抑留: スターリン独裁下, 「収容所群島」の実像 [Томота Такэси. Интернирование в Сибирь: реальность «Архипелага ГУЛАГ» при диктатуре Сталина]. 中公新書, 2016. 262 p.
- 保阪正康. 歴史でたどる領土問題の真実. 中韓露にどこまで言えるのか [Хосака Масаясу. Правда о территориальных спорах сквозь призму истории: что мы можем сказать Китаю, Южной Корее и России?]. 朝日新聞出版, 2011. 247 p.
- われらの北方領土2024年版. 外務省 [Наши северные территории. Ежегодник 2024] // 外務省. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100646946.pdf> (дата обращения: 25.05.2025).

Japanese Research on the Soviet-Japanese War: Trends and Narratives

Victor V. Kuzminkov

Ph.D. (Political Science), Leading Research Scholar, Japan Economics and Politics Group, Center for Asia-Pacific Studies National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-3909-0720. E-mail: kuzminkov@imemo.ru

Received 02.06.2025.

Abstract:

The article analyzes scientific publications by Japanese authors devoted to various aspects of the Soviet-Japanese War. It is emphasized that these works had a significant impact on the formation of public opinion in Japan regarding the USSR and Russia. The author notes that in the conditions of ideological confrontation, post-war studies in Japan focused on the negative consequences of the Soviet-Japanese War for the country. The historical role of the USSR in this war was often interpreted distortedly: the participation of the Soviet Union in the war against Japan was often presented as an act of aggression, which contributed to the formation of negative stereotypes about the Soviet Union, the strengthening of anti-Soviet propaganda and the consolidation of the image of the USSR as a hostile state. Particular attention is paid to key directions and narratives in Japanese publications. Historical plots presented in these works are often tendentious and adapted to the political situation, which contributes to the strengthening of revisionist views. At the same time, objective historical realities are ignored or distorted, which leads to the preservation of negative stereotypes about Russia even after the end of the period of ideological confrontation. The article sheds light on how scientific interpretations of historical events can be used for political purposes to shape public opinion. The author emphasizes the importance of a critical approach

to the study of history in order to avoid such distortions and strive for an objective understanding of the past. Such an approach will help overcome the stereotypes and mistrust imposed by the confrontation, opening the way for constructive cooperation in creating good-neighborly relations that can prevent new conflicts.

Key words:

Russia, USSR, Japan, interpretations, narratives, stereotypes, Soviet-Japanese War.

For citation:

Kuz'minkov V.V. Japanese Research on the Soviet-Japanese War: Trends and Narratives // Far Eastern Studies. 2025. No. 3. Pp. 130–140. DOI: 10.31857/S0131281225030095.

References

- Kuz'minkov V.V.* Pakt o nejtralitete mezhdru SSSR i Yaponiej s pozicij segodnyashnego dnya [The Neutrality Pact between the USSR and Japan from the standpoint of today]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2010. No. 5. S. 113–122. (In Russ.)
- Kuz'minkov V.V.* Rossiya i Yaponiya: yaponskij vzglyad na territorial'noe razmezhevanie [Russia and Japan: The Japanese view of territorial demarcation]. M.: Kvadriga, 2018. 304 s. (In Russ.)
- Panov A.N.* Rossiya i Yaponiya: stanovlenie i razvitie otnoshenij v konce XX — nachale XXI veka (dostizheniya, problemy, perspektivy) [Russia and Japan: the formation and development of relations in the late 20th — early 21st centuries (achievements, problems, prospects)]. *Izvestiya*. 2007. 312 s. (In Russ.)
- Rossijsko-yaponskie otnosheniya v formate parallel'noj istorii: kollektivnaya monografiya [Russian-Japanese relations in the format of parallel history: collective monograph]. Pod obshch. red. akad. *A.V. Torkunova* i prof. *M. Iokibe*. M.: MGIMO-Universitet, 2015. 1024 s. (In Russ.)
- Za kulisami tihookeanskoj bitvy (yapono-sovetskie kontakty v 1945 g.) [Behind the scenes of the Battle of the Pacific (Japanese-Soviet contacts in 1945)]. *Vestnik Ministerstva inostrannyh del SSSR*. No. 19 (77). S. 43–56. (In Russ.)
- Truman H.S.* Memoirs by Harry S. Truman: Year of Decisions. N.Y. 1965. Vol. 1. 630 p.
- 赤城宗徳. ソソ関係を考える: 激動の大正・昭和を生きて [Akagi Munenori. Reflections on Japanese-Soviet Relations: Living Through the Turbulent Taisho and Showa Eras]. 新時代社, 1982. 318 p. (In Japan.)
- 麻田雅文. ソソ戦争: 帝国日本最後の戦い [Asada Masafumi. The Russo-Japanese War: Imperial Japan's Final Battle]. 中公新書, 2024. 290 p. (In Japan.)
- 木村汎. 日露国境交渉史: 領土問題にいかに取り組むか [Kimura Hiroshi. History of Japan-Russia Border Negotiations: How to address territorial issues]. 中公新書, 1993. 262 p. (In Japan.)
- 黒羽茂. ソソ抗争の軌跡 [Kurobane Shigeru. History of the Japanese-Soviet Conflict]. 南窓社, 1983. 176 p. (In Japan.)
- 孫崎享. 日本の国境問題: 尖閣・竹島・北方領土 [Magosaki Ukeru. Japan's Territorial Problems: Senkaku, Takeshima, and the Northern Territories]. ちくま新書, 2011. 231 p. (In Japan.)
- 重光晶. 「北方領土」とソ連外交 [Shigemitsu Akira. “Northern Territories” and Soviet diplomacy]. 時事通信社, 1983. 205 p. (In Japan.)
- 富田武. シベリア抑留: スターリン独裁下、「収容所群島」の実像 [Tomita Takeshi. Internment in Siberia: The Reality of the "Gulag Archipelago" under Stalin's Dictatorship]. 中公新書, 2016. 262 p. (In Japan.)
- 保阪正康. 歴史でたどる領土問題の真実. 中韓露にどこまで言えるのか [Hosaka Masayasu. The Truth About Territorial Disputes Through the Lens of History: What Can We Say to China, South Korea, and Russia?]. 朝日新聞出版, 2011. 247 p. (In Japan.)
- われらの北方領土2024年版. 外務省 [Our Northern Territories. Yearbook 2024]. 外務省. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100646946.pdf> (дата обращения: 25.05.2025). 46 p. (In Japan.)